

Издали увидев городские ворота уезда Аньхэ, Нин Гуйчжу невольно изумился: городская стена выглядела высотой примерно с десятиэтажный дом и тянулась в обе стороны, так что конца ей не было видно. Под воротами стояла стража; по их простому снаряжению было ясно, что это солдаты и букуай (стражники-ловцы).

— Начальник!

Пока Нин Гуйчжу украдкой разглядывал всё вокруг, один из тех, кто был одет как букуай, окликнул их и с любопытством посмотрел на него пару раз.

— Спасибо за службу, — ответил Сюн Цзиньчжоу и тут же представил: — Это мой фулан, Чжугер.

— Сюн-фулан, здравствуйте.

Несколько человек один за другим поприветствовали его.

Нин Гуйчжу кивнул и ответил:

— Здравствуйте.

Когда лица были «признаны», Сюн Цзиньчжоу сказал:

— У меня ещё есть дела, мы пойдём внутрь. Вы тут работайте, как-нибудь вместе выпьем.

— Хорошо, идите.

Пройдя через городские ворота толщиной не меньше пяти чжан, они не сразу попали в сам уездный город. Прямо перед ними возвышалась ещё одна стена; между внешней и внутренней стенами пролегал проход шириной около десяти метров, а примерно в двадцати метрах по обе стороны находились входы, ведущие внутрь. В этом проходе уже сидело немало крестьян, торговавших овощами.

Сюн Цзиньчжоу повёл Нин Гуйчжу в сторону, где людей было меньше, и по дороге пояснил:

— Стены построили всего пару лет назад. Так удобнее обороняться от врагов, а если что случится, этот проход между стенами можно использовать и для помощи пострадавшим.

Услышав, что это не древнее сооружение, а сравнительно новое, Нин Гуйчжу перестал сдерживать взгляд и с любопытством разглядывал всё вокруг.

Пройдя через ворота во внутренней стене, они наконец вышли на главную улицу уездного города. Она была не узкой, вымощенной зеленым камнем; по обеим сторонам тянулись дома из серого кирпича с черепичными крышами, и всё вокруг производило впечатление оживлённого, развивающегося места.

Однако на одном из перекрёстков Нин Гуйчжу случайно заглянул вглубь боковой улицы и увидел, что совсем недалеко от главной дороги начинается грунтовая дорога; там преобладали деревянные дома, а кое-где и вовсе стояли соломенные хижины. Очевидно, жизнь внутри городских стен была далеко не везде благополучной.

Возможно, из-за особенностей планировки улиц, вокруг почти не было ни торговых лавок, ни уличных прилавков. Он ещё не успел озвучить свой вопрос, как, дойдя до очередного перекрёстка, услышал впереди оживлённый шум.

Нин Гуйчжу машинально посмотрел в ту сторону и увидел плотный поток людей. Заметив его взгляд, Сюн Цзиньчжоу тоже посмотрел туда и сказал:

— Когда потом пойдём за покупками, будем выходить через другие внутренние ворота - оттуда сразу попадаешь на рынок.

— А, хорошо, — Нин Гуйчжу кивнул, давая понять, что запомнил, и пошёл дальше вместе с ним.

Уездная управа располагалась ровно в центре города. Стоя перед явно недавно построенными воротами управы, Нин Гуйчжу моргнул - в его взгляде не было ни почтения, ни трепета, лишь чистое любопытство.

Сюн Цзиньчжоу зашёл внутрь, перекинулся парой слов, затем вынес табурет и поставил его в тени.

— Подожди здесь немного, я быстро.

— Хорошо, — Нин Гуйчжу кивнул. Его совсем не удивило, что его оставляют снаружи: всё-таки это была уездная управа, а Сюн Цзиньчжоу - глава стражи, и он здесь ни при чём.

Пока он с интересом разглядывал окрестности, по другую сторону стен Сюн Цзиньчжоу, беспокоясь, чтобы Нин Гуйчжу не пришлось долго ждать, быстрым шагом вошёл в помещение, где работал главный писарь.

— М? Ты как раз вовремя, — сидевший на почётном месте чиновник средних лет вытащил лист бумаги и протянул его Сюн Цзиньчжоу. — Говорят, ты женился?

Сюн Цзиньчжоу взял протянутый лист, ещё не успев взглянуть в него, и на вопрос ответил:

— Да, позавчера.

— Женился и даже не сказал. Не знал, что в управе положен отпуск? — Лу-чжубу*, перелистывая ведомость посещаемости Сюн Цзиньчжоу, бросил вопрос как бы между делом.

(ПП: Должность в старокитайской администрации, примерно соответствующая секретарю, архивариусу или начальнику канцелярии, отвечающему за документацию, учёт и корреспонденцию)

Сюн Цзиньчжоу:

— ?

По его совершенно бесстрастному лицу легко читалось искреннее недоумение, и Лу-чжубу не удержался от смеха:

— Ну ты и простак. В обычные дни отпусков полно, а уж по случаю свадьбы разве могут не дать выходные?

— Просто... не подумал, — Сюн Цзиньчжоу почесал нос и тут же попытался свернуть разговор.
— Э-э... господин чжубу, мой фулан ещё снаружи, я тогда пойду.

Лу-чжубу его не стал удерживать, открыл новую тетрадь и продолжил разбирать документы уездной управы. Государству было меньше десяти лет, многие дела лишь недавно вошли в колею. Работы только-только поубавилось, а тут ещё пришлось приводить в порядок бумаги времён прежней династии и военных смут - ни минуты покоя.

Жениться - это, конечно, хорошо. Ему бы тоже не помешал отпуск.

—

Сюн Цзиньчжоу вышел торопливо, но, увидев, что Нин Гуйчжу всё ещё сидит на табурете, замедлил шаг и подошёл спокойнее. Он не пытался скрыть звук шагов; услышав их, Нин Гуйчжу обернулся, увидел, что тот вышел, и поднялся, спрашивая:

— Отпуск дали? Теперь идём за покупками?

— Чжубу сказал, что после свадьбы положено пять дней отпуска. Сначала пойдём поедим.

— В какую сторону?

Нин Гуйчжу огляделся вокруг, ещё не успев понять, куда идти, как Сюн Цзиньчжоу легко, почти незаметно, перехватил его за запястье - всего на мгновение, и тут же отпустил. Затем, встретившись с его взглядом, сказал:

— Сюда.

И сделал пару шагов вперёд. Нин Гуйчжу пошёл следом.

Свернув на другую улицу и пройдя совсем немного, они оказались в оживлённом торговом квартале. Людей вокруг стало заметно больше. Сюн Цзиньчжоу остановился, слегка сместился в сторону и дал Нин Гуйчжу пройти ближе к внутренней стороне улицы, где было меньше толкотни, после чего подвёл его к лавке с баоцзы.

— По два маньтоу, мясных и овощных баоцзы.

— Сейчас будет! — отозвался хозяин лавки, ловко вытянул лист промасленной бумаги, завернул угощение и сказал: — С вас двенадцать вэней.

Сюн Цзиньчжоу отсчитал медные монеты, передал их, принял свёрток и сказал:

— Баоцзы только что из пароварки, горячие. Пойдём к вонтонной.

— Хорошо.

Запахи от уличных лавок стояли густые и соблазнительные. Нин Гуйчжу сдержал урчание в животе, заметил лавку вонтонов и вместе с Сюн Цзиньчжоу направился туда. Посетителей там было не слишком много. Сюн Цзиньчжоу выбрал укромное место, усадил Нин Гуйчжу, положил на стол баоцзы и маньтоу и сказал:

— Ты ешь пока, я схожу за вонтонами.

Он и слова не дал Нин Гуйчжу вставить и широким шагом направился к хозяину лавки. Нин Гуйчжу посмотрел на баоцзы, подумал немного, а потом всё-таки поднял голову и проводил взглядом спину Сюн Цзиньчжоу. Людей вокруг было немного, и он смутно расслышал, как тот говорит торговцу «полную муку», отчего невольно слегка наклонил голову.

Когда Сюн Цзиньчжоу вернулся, Нин Гуйчжу сразу спросил:

— А что значит «полная мука»?

Сюн Цзиньчжоу сел, махнул рукой в сторону стоящего неподалеку ребёнка и только после

этого начал объяснять:

— Торговцы ради прибыли делят начинку по разрядам.

Видя, что Нин Гуйчжу слушает внимательно, он пояснил подробнее:

— «Полная мука» - это когда тесто из чистой пшеничной муки и вонтоны с нормальным количеством мяса. Есть ещё «средняя мука» и «малая мука» - там и муки, и мяса кладут меньше.

Вот как.

Нин Гуйчжу задумался, а тем временем тот самый ребёнок, которого Сюн Цзиньчжоу подозвал, подошёл с чайником, разлил им по чашкам горячую воду, поставил чайник на стол и с ожиданием посмотрел на Сюн Цзиньчжоу. Тот положил ему в ладонь две медные монеты. Он сделал это по привычке - деньги уже были отданы, и лишь тогда он вспомнил, что теперь женат, отчего неловко взглянул на Нин Гуйчжу.

— Что такое? — спросил тот.

Сюн Цзиньчжоу почесал нос и объяснил:

— Эти дети с чайниками - все сироты. За один чайник берут два медяка, это немного. Я иногда зову их.

Особенный акцент: иногда.

Нин Гуйчжу вовсе не обратил внимания на то, что Сюн Цзиньчжоу сделал на этом ударение, и, услышав объяснение, спросил:

— Это они сами так придумали или это уездная управа организовала?

По звучанию это напоминало чьё-то продуманное устройство.

Сюн Цзиньчжоу ответил:

— Это распорядился уездный судья. Так им находится хоть какое-то дело для пропитания, да и меньше поводов воровать или заниматься дурными делами.

Услышав это, Нин Гуйчжу почувствовал, как внутри стало спокойнее: когда глава уезда не глуп, жить людям куда легче.

Пока они говорили, вонтоны как раз сварились. Хозяин лавки поставил перед ними две чашки и радушно сказал:

— Перец и зелёный лук кладите сами.

— Благодарю, — Сюн Цзиньчжоу пододвинул чашку с луком и плошку с острым соусом к Нин Гуйчжу. — У них перец довольно жгучий, попробуй сначала чуть-чуть, посмотри, сможешь ли есть.

Этот «перец» оказался вовсе не горчицей и не кизилом, как сначала подумал Нин Гуйчжу, а настоящим чили в масле. Похоже, ассортимент продуктов в этом мире был куда богаче, чем он ожидал.

Нин Гуйчжу положил в чашку две ложки острого масла и немного зелёного лука; вдохнув аромат, поднявшийся от кипящего бульона, он первым делом отпил глоток супа. Пусть приправ здесь и было меньше, чем в современности, бульон оказался на удивление насыщенным и вкусным; тесто у вонтонов - тонким и упругим, а мясная начинка приправлена ровно в меру.

Съев один вонтон, Нин Гуйчжу поднял голову, заметил, что Сюн Цзиньчжоу смотрит на него, и уверенно сказал:

— Вкусно.

Сюн Цзиньчжоу улыбнулся, развернул промасленную бумагу и, достав мясной баоцзы, протянул его Нин Гуйчжу:

— У этой лавки и баоцзы вкусные.

— Угу, — отозвался Нин Гуйчжу и взял.

Баоцзы был ещё горячим; он откусил, и сразу же наружу вырвался насыщенный мясной аромат, дразня аппетит. Сам баоцзы был не слишком большим. Нин Гуйчжу всё-таки взрослый человек, так что за два укуса съел больше половины. Подняв голову и заметив, что Сюн Цзиньчжоу смотрит на него, он поторопил:

— Ты тоже ешь. Нам ещё за покупками идти.

— А... да, — Сюн Цзиньчжоу опомнился и взял овощной баоцзы.

Доев мясной, Нин Гуйчжу опустил взгляд к своей чашке с вонтонами и стал есть дальше, запивая всё бульоном. Очень скоро пришло ощущение сытости.

— Чжу-гер, съешь ещё баоцзы, — напомнил Сюн Цзиньчжоу.

Нин Гуйчжу посмотрел, затем отвёл взгляд и сказал:

— Ешь ты, я наелся.

На самом деле не совсем, но Сюн Цзиньчжоу уже доел оба овощных баоцзы, а оставшиеся маньтоу, скорее всего, предназначались на завтрак Давану и Эрцаю, и Нин Гуйчжу стало неловко тянуться ещё и за мясным.

Сюн Цзиньчжоу с сомнением уточнил:

— Правда наелся?

Нин Гуйчжу кивнул.

Увидев это, Сюн Цзиньчжоу больше не стал сомневаться, в два-три укуса доел оставшийся баоцзы, отсчитал двадцать медных монет и положил их на стол, после чего, взяв маньтоу, поднялся.

— С чего начнём?

Нин Гуйчжу немного подумал и ответил:

— Давай сначала купим зерно.

Окинув взглядом шумный рынок, он повернулся к Сюн Цзиньчжоу и спросил:

— А ты обычно что ешь на завтрак, когда идёшь на службу?

Движение, с которым Сюн Цзиньчжоу жевал баоцзы, на миг замерло. Он проглотил кусок и сказал:

— Чаще всего маньтоу. Иногда беру на прилавке немного закуски и всё.

Сказано это было уверенно; если бы он при этом ещё и посмотрел на Нин Гуйчжу, звучало бы куда убедительнее.

Губы Нин Гуйчжу приподнялись в улыбке. Он отвёл взгляд вперёд и сказал:

— Одними маньтоу всё время питаться нельзя. Я думаю купить продуктов и потом готовить дома.

М?

И... его не отругали.

Сюн Цзиньчжоу привык, что мать часто корила его за расточительность, поэтому первой мыслью было именно это, и лишь затем он уловил главное и переспросил:

— Чжу-гер, ты умеешь делать баоцзы?

Нин Гуйчжу легко кивнул:

— Если есть все ингредиенты, я умею готовить большую часть еды.

Услышав это, глаза Сюн Цзиньчжоу загорелись. С тех пор как он начал зарабатывать, он никогда не обделял себя в еде; перед свадьбой мать всё время ворчала, что если он и дальше будет жить так же, то даже если и найдёт себе фулана, всё равно в конце концов его потеряет. А теперь вот как: его фулан умеет готовить.

Сюн Цзиньчжоу заметно воодушевился:

— Тогда, выходит, покупать нужно будет много всего? Может, мне сходить нанять ручную тележку?

Нин Гуйчжу удивился внезапному приливу энтузиазма, покосился на него и покачал головой:

— Не нужно. Некоторые вещи покупать дорого, лучше постараться вырастить самим.

— Понятно, — Сюн Цзиньчжоу немного разочаровался, но тут же добавил сам: — У меня как раз пять дней отпуска. Что нужно будет сделать, говори, я всё возьму на себя.

Слишком уж он был рьяным; Нин Гуйчжу не удержался от улыбки:

— Хорошо.